

2.3. ОСТРАКИЗМ, ТРАВЛЯ И SCHOOL SHOOTING: МИФЫ И ФАКТЫ

Суворова И.Ю.

Из диалога одноклассников:

- *Что это? Это ужасные жестокие картинки!*
- *Мне это неинтересно!*
- *Я думал, хоть тебе не все равно. А ты такой же, как все...*

Примерно раз в год общественность шокирует новость о стрельбе в школе, однако единое понимание этого феномена отсутствует. По наиболее распространенной точке зрения, стрельба в образовательной организации является ответной агрессией на насилие (насмешки, издевательства и т.п.). По результатам некоторых исследований, 71% скулшутеров до совершения нападения терпели травлю и запугивания, получали угрозы, подвергались насмешкам и серьезным нападениям со стороны сверстников¹. Тем не менее другие авторы полагают, что связь между школьной стрельбой и буллингом необоснованна и порождена потребностью логично объяснить этот феномен². Данную позицию подкрепляют результаты 37 исследований, согласно которым

наиболее типичной реакцией на буллинг является суицид, а не агрессия (Kim, 2008)¹.

К сожалению (хотя с другой стороны — к счастью), из-за малочисленной выборки также не удалось составить психологический портрет скулшутера, что, безусловно, могло бы пролить свет на причины такой жестокости. Однако если обратить внимание на интервью со стрелками или с их знакомыми, бросается в глаза одиночество и непонимание как в родительских семьях, так и среди сверстников. Интервью с 15-летним подростком, напавшим на школу № 1 в Ивантеевке осенью 2017 г., опубликованное на портале «Правда.ру» от 6 сентября 2017 г., указывает на то, что у школьника были холодные отношения с родителями, в средней школе имела место травля, о чем он говорил родителям, которые за него не заступились. «Я ведь их всех предупредил! Я столько раз им говорил, что все именно так и будет, что я со всеми ними скоро расправлюсь», — повторил подросток следователям. В заметке на портале «Газета.Ру» от 7 декабря 2021 г. об Арсении Кураеве, 18-летнем молодом человеке, планирующем теракт в одной из московских школ, видно, что ученик был агрессивным и провоцировал своих одноклассников, из-за чего был наказан ими. Одноклассники о нем отзывались следующим образом: «В школе его считали ненормальным, к нему не подходили из-за его токсичности». Отношения с семьей также были сложными: к Арсению применяли физическую силу, и тот иногда убегал из дома. Переписка Владислава Рослякова, устроившего стрельбу в колледже в Керчи, опубликована в «Комсомольской правде» от 18 октября 2018 г. Преступник жалуется на одиночество, непонимание и отвержение.

Нужно отметить, что противоречия в эмпирике в целом сопровождаются недифференцированностью таких понятий, как социальная эксклюзия, травля и остракизм. Поэтому нашей целью является анализ таких понятий, как социальное исключение, остракизм и травля, и наиболее типичные реакции исключенных людей. Внесение ясности в групповые механизмы и функции остракизма и травли будет способствовать лучшему прогнозу групповой динамики и индивидуального отклика.

¹ Vossekuil B. et al. The final report and findings of the Safe School Initiative // Washington, DC: US Secret Service and Department of Education. 2002.

² Mears D.P., Moon M.M., Thielo A.J. Columbine revisited: Myths and realities about the bullying-school shootings connection // Victims & Offenders. 2017. Т. 12. № 6. С. 939–955.

¹ Kim Y.S., Leventhal B. Bullying and suicide. A review // International journal of adolescent medicine and health. 2008. Т. 20. № 2. С. 133–154.

2.3.1. Социальное исключение

Авторство понятия «социальная эксклюзия» приписывается государственному секретарю правительства Франции Рене Лемуану, описывающему статус иммигрантов «концепт», что обозначает современные формы социального неблагополучия и сдвига человека на социальное дно. С тех пор феномен начал рассматриваться в двух традициях — как социальный феномен нахождения человека на периферии социальной системы (маргиналы, социальные, сексуальные меньшинства, люди, пребывающие за чертой бедности, и т.п.), так и психологический — прекращение психологического обмена между человеком и обществом, невозможность удовлетворить базовые психологические потребности.

Исследования показывают, что, каким бы ни был обрыв связей человека и социальной системы (социальный, экономический, культурный), он всегда влечет за собой психологический обрыв: люди, находящиеся за чертой бедности, иммигранты, сексуальные меньшинства переживают прекращение ценностного и психологического обмена с социальной системой. В первой серии наших исследований было показано, что чем ниже социальный статус, тем более фрустрированы базовые психологические потребности в компетентности, принадлежности и автономии, что влечет за собой нарушение психологического обмена¹. При поиске минимальных условий для социального исключения и моделирования социальной ситуации с неравными условиями психологического обмена, однако исключающей экономическое неравенство, фрустрация базовых психологических потребностей оказалась достаточной причиной для социальной эксклюзии. Однако в ходе исследования были обнаружены случаи, не подпадающие под общую статистику: некоторые люди прекращали психологический обмен с группой, имея все возможности быть частью системы, — не участвовали в дискуссии, демонстрировали скуку, подменяли деятельность, обозначенную игрой (например, рисовали). Мы предположили о наличии не только внешних, объективных факторов

¹ Суворова И.Ю. Нарушение структуры социальной идентичности человека в результате социальной эксклюзии: Дис. СПб.: И.Ю. Суворова, 2018.; Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of research in personality. 1985. Т. 19. № 2. С. 109–134.

(экономический и социальный статус), но и внутренних, психологических, выступающих барьером для установления психологического обмена со стороны человека.

Последующий анализ литературы позволил выделить две большие группы факторов, приводящих к обрыву социальных связей и прекращению обмена: социальные факторы, куда входят социально-экономические условия, и психологические факторы, провоцирующие готовность воспринимать окружающую реальность как фрустрирующую. Эксклюзия в результате социально-экономических факторов так или иначе является следствием неблагоприятных социально-экономических условий и выступает неизбежным порождением капитализма и социального неравенства.

Вторым фактором социальной эксклюзии является негативный предшествующий опыт, который учит людей сторониться социальных контактов. В ряде исследований показано, что маргиналы (бездомные, хикикомори) переживали психологическую травму перед тем, как уйти на периферию социальной системы. Бездомные в исследовании К. МакНотона рассказывали о бегстве от реальности в связи с пережитыми травматичными событиями в прошлом (смерть супруга, детей и т.п.)¹. Результаты исследования созвучны с нашими: бездомные рассказывали о предательствах родственников, в результате чего жертвы оказались на улице. Несмотря на то что рассказанные события произошли около 20 лет назад, страдания были живы, как будто все случилось в течение последнего года. Исследования хикикомори в Японии показывают, что изоляция дома является способом защиты от сурового мира, чувством беспомощности и разочарованием в трудовой жизни. Причем холодность первичной группы является ключевым фактором для появления незащищенности. В исследовании Дж.М. Твенге дети из интерната были менее склонными вступать в социальные группы по сравнению с детьми из полных семей. В серии исследований Л. Аароя, проведенной на гражданах США, оставивших свои данные на платформе *Amazon*, была обнаружена отрицательная корреляция между базовым доверием к миру и выраженностью избегания социальных контактов. Это

¹ McNaughton C.C. Transitions through homelessness, substance use, and the effect of material marginalization and psychological trauma // Drugs: education, prevention and policy. 2008. Т. 15. № 2. С. 177–188.

позволило авторам описать «поведенческую иммунную систему»: предшествующий драматичный опыт социальных контактов препятствует установлению социальных связей в настоящем из-за угрозы насилия.

Таким образом, социальная эксклюзия — это нарушение психологического обмена человека с социальной системой в результате дефицита ресурсов социальной системы либо предшествующего травмирующего опыта, делающего этот обмен опасным. Вынужденное либо добровольное исключение из того, что называется «нормальной жизнью», влечет за собой психологические трансформации в виде нарушения структуры социальной идентичности, депрессивных переживаний и сильного стресса, что учащает случаи переадресовки гнева на других людей.

2.3.2. Остракизм

В отличие от социальной эксклюзии, не имеющей определенного источника исключения, остракизм описывается как насильственное воздействие на человека, его намеренное исключение из социальной системы¹. Контролируя ненормативное поведение и защищая целостность группы, остракизм явно представляет собой стратегию агрессивных действий по отношению к индивидам. Наиболее яркой иллюстрацией механизма остракизма служит институт контроля членов аристократической правящей элиты в Древних Афинах: в случае, если кто-то из правящей элиты набирал популярность, во избежание перерастания власти кого-либо из представителей этой элиты в тиранию этот человек на некоторое время подвергался остракизму.

На данный момент исследование остракизма в рамках психологии имеет некоторые методологические ограничения: в симуляции К.Д. Вильямса, представленной игрой в «Кибербол», реальным участником является только остракируемый игрок, то есть анализировать остракизм как функцию группы в данном случае не представляется возможным. В примерах же из реальной жизни

¹ Baumeister R.F. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation / R.F. Baumeister, M.R. Leary // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117. P. 497–529.

зачастую отвержение происходит в диадных отношениях, включающих другие, негрупповые механизмы¹.

Есть предположение, что отвержение в диадных и групповых отношениях переживается по-разному ввиду различных функций, которые они играют в формировании психики. Принадлежность диадным отношениям как самым первым отношениям в жизни младенца обуславливает развитие наиболее глубинных структур психики — переживание своего бытия, своей целостности. Принадлежность к социальной группе определяет нас в системе социальных координат и уменьшает хаос, упорядочивает внешние, социальные, объекты и объекты внутренней реальности, остракизм в диадных отношениях как причина школьной стрельбы стоит на третьем месте, пропустив вперед буллинг и групповой остракизм, тогда как разрыв романтических отношений стоит на первом месте среди причин подросткового суицида². То есть разрыв диадных отношений скорее приводит к самоубийству, чем к школьным расстрелам, что является еще одним аргументом в пользу того, что для более точного анализа и последующего прогнозирования следует отличать остракизм как инструмент групповой саморегуляции и отвержение в диадных отношениях. Тем не менее, несмотря на то что остракизм предполагает обрыв психологических связей между человеком и другим(и), что делает его одним из феноменов социальной эксклюзии, от описанного выше социального исключения его отличает явный источник исключения.

По имеющимся данным, направленное игнорирование (остракизма) более остро переживается, чем ненаправленная эксклюзия. Остракизм обнаруживается очень быстро и переживается как гнев, печаль, страх и боль³, которая была отмечена как в самоотчетах, так и в психофизиологических исследованиях, где при МРТ обнаружена активация dACC. Возможно,

¹ Zadro L., Arriaga X.B., Williams K.D. Relational ostracism // Social relationships: Cognitive, affective, and motivational processes. 2008. С. 305–319; Nezlek J.B. et al. Ostracism in everyday life: The effects of ostracism on those who ostracize // The Journal of social psychology. 2015. Т. 155. № 5. С. 432–451.

² Kaggwa M.M. et al. Suicide among Ugandan university students: evidence from media reports for 2010–2020 // BJPsych international. 2021. Т. 18. № 3. С. 63–67.

³ Williams K.D. Ostracism: A temporal needthreat model // Advances in experimental social psychology. 2009. Т. 41. С. 275–314.

такие различия между направленным и ненаправленным игнорированием обусловлены тем, что при направленном игнорировании (остракизм) проще смоделировать и зафиксировать его начало.

Однако в целом переживания ненаправленной эксклюзии и остракизма схожи и провоцируют генерализованную агрессию и эмоциональную замкнутость. По некоторым данным, причиной агрессии является не только и не столько само исключение, сколько потеря контроля над реальностью. В исследовании В. Урбертона и К. Вильямса (были созданы различные условия для двух остракированных групп: первая группа после исключения была подвергнута неприятным шумам, которые она не могла контролировать. Вторая группа также была подвергнута этим шумам, однако участники могли выбирать, когда те начнутся. В результате уровень агрессии в первом случае был гораздо выше¹. Похожие выводы получены в исследовании Д. Молдена: те, кто смог контролировать себя после социальной изоляции, не проявляли никакой агрессии. Причем чувство контроля разнится в зависимости от степени невротизации людей². В полевых исследованиях была обнаружена взаимосвязь между невротизмом и остротой реакции на признаки остракизма: более невротические люди были сильнее огорчены тем, что их подвергли остракизму, чем те, кто был менее невротичен. Любопытно, что в симуляции «Кибербол» это обнаружить не удалось, что может указывать на слабую экологичность данного лабораторного метода.

Таким образом, можно сделать вывод, что исключение из социальной системы — как целенаправленное (остракизм), так и нецеленаправленное (социальная эксклюзия) — фрустрирует базовую потребность в принадлежности и уменьшает чувства контроля над своей жизнью. Будучи более очевидным, остракизм вызывает агрессивные реакции, тогда как нецеленаправленная социальная

¹ Warburton W.A., Williams K.D., Cairns D.R. When ostracism leads to aggression: The moderating effects of control deprivation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2006. Т. 42. № 2. С. 213–220.

² Molden D.C. et al. Motivations for prevention or promotion following social exclusion: being rejected versus being ignored // *Journal of personality and social psychology*. 2009. Т. 96. № 2. С. 415.

эксклюзия в большей степени провоцирует депрессию как результат бессмысленной и подавленной агрессии¹.

Отталкиваясь от рассмотренных данных, также хотим отметить два источника переживания исключения, встречающихся как в случае ненаправленного социального исключения, так и в случае остракизма: объективный (как функция системы по саморегуляции) и субъективный (как предвосхищение отвержения в результате прошлого опыта). Невротизация как результат сильной базовой тревоги из-за отсутствия тесной и безопасной связи человека со значимым другим запускает ряд потребностей, которые можно свести к безопасности через связь с людьми, дистанцированность от них или через контроль над ними. В этом случае отвержение будет попадать в раннюю детскую травму, что усилит реакцию на этот феномен.

2.3.3. Травля

Многие рассматривают травлю как разновидность остракизма. Однако мы хотим показать принципиальные отличия этого феномена от двух описанных выше. В отличие от остракизма, травля — это не просто исключение неуютного элемента из системы, а согласие системы на регулярное насилие по отношению к этому элементу². Естественно, травля осуществляется только на групповом уровне. Структура буллинга, в отличие от остракизма, точно определена и включает жертву, преследователя и свидетелей, наделенных соответствующими характеристиками. Но принципиальное отличие травли от остракизма нам видится в функции исключенного человека. Если остракизм является механизмом групповой регуляции, при котором элемент, угрожающий целостности группы, исключается из нее, то буллинг, также нацеленный на групповую регуляцию, напротив,

¹ Силличева О.В. Детские паттерны и некоторые причины депрессии. Архетип героя как этап процесса индивидуации личности // *Миф в истории, политике, культуре*. 2020. С. 37–41.

² Olweus D. Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes // K.H. Rubin, J.H.B. Asendorp (eds). *Social withdrawal, inhibition, and shyness*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1993. P. 315–341

использует жертву для снятия группового напряжения¹. Группа, которую захватывают сильные эмоции (беспокойство, страх, ненависть, любовь, надежда, гнев, вина, депрессия), погружается в бессознательную потребность их отреагировать. У. Бийон назвал такое состояние группы менталитетом базового допущения². Считается, что менталитет базового допущения является результатом присутствия в группе большого числа людей, имеющих психологические проблемы. Индивидуальные негативные проекции резонируют, повышая групповое напряжение и усиливая центробежные групповые силы, которые могут привести к распаду группы. Для удержания группы от распада необходимо найти элемент, «козла отпущения», который будет принимать групповое напряжение на себя. Согласно Р. Жирару, естественным способом найти выход напряжению, при этом не разрушая группу, является замещающее жертвоприношение. Смысл механизма в следующем: чтобы дать выход накопившемуся напряжению, не разрушив группу, следует совершить насилие над социальным элементом, который не станет отвечать насилием на насилие. При этом жертва не должна иметь социальных связей с обществом, иначе насилие над ней приведет к мести³. Важно отметить, что жертва и преследователь как основные участники травли выбираются не случайно. Ими становятся люди, психологические характеристики которых в большей степени соответствуют групповым потребностям и переживаниям. Жертвы травли, скорее, испытывают холодность со стороны родителей и страдают от недостаточной поддержки. Психологический климат в семьях преследователей отличается холодностью, жесткостью и высоким уровнем насилия. Для таких семей характерен дисбаланс власти, отчужденность родителей, отсутствие вовлеченности отца в воспитание ребенка, депрессия или враждебность со стороны матери⁴.

¹ Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159. DOI:10.17323/1813-8918-2013-3-149-159

² Bion W.R. Experiences in Groups: and other papers. London: Routledge, 1961. 198 p. DOI:10.4324/9780203359075

³ Жирар Р. «Козел отпущения» / СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.

⁴ Новикова М.А., Реан А.А. Семейные предпосылки вовлеченности ребенка в школьную травлю: влияние психологических и социальных

В отличие от агрессии при остракизме переживания жертв буллинга, согласно исследованиям, включают безнадежность, суицидальные мысли, депрессию. Ситуация буллинга для жертвы настолько тяжела и безвыходна, что порой единственным спасением школьники видят самоубийство. В остальных случаях, не имея возможности противостоять системе, жертвы буллинга переживают депрессию. К сожалению, мы не нашли сравнительных данных о переживании остракизма и буллинга. Предполагаем, что одной из причин этого является отсутствие их дифференциации как различных феноменов. Постараемся провести сравнение, руководствуясь имеющимися данными и психологической теорией.

В случае социальной и экономической эксклюзии и остракизма мы переживаем боль, филогенетически и онтогенетически связанную с физическим выживанием, однако в настоящем отражающую угрозу психологическому выживанию — переживанию хаоса, неопределенности и невозможности обозначить себя через социальные отношения. Возможно, в случае экономической и социальной эксклюзии нахождение на периферии системы рассматривается скорее как справедливое, когда человеку не хватило навыков занять более выгодную социально-экономическую позицию. Поэтому логично предположить, что в случае такой эксклюзии люди скорее будут переживать депрессию. Взятие вины на себя можно рассмотреть и как адаптацию к системе, от которой ты зависишь, но на которую не можешь повлиять. В противном случае восприятие системы как ненадежной может провоцировать самоубийства¹. Реакция же на остракизм более острая и направлена вовне, поскольку момент остракизма можно легко отследить и обозначить отвергающих людей. Более того, существует взаимосвязь между длительностью депрессии и агрессивными реакциями: с увеличением длительности депрессивных состояний

характеристик семьи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 4. С. 112–120. DOI: 10.17759/pse.2018230411; Perry, K.J., Ostrov, J.M., Shisler, S. et al. Pathways from Early Family Violence to Adolescent Reactive Aggression and Violence Victimization. // Journal of Family Violence. 2020. Vol. 36. № 1. P. 75–86. DOI: 10.1007/s10896-019-00109-4

¹ Гилинский Я. и др. Самоубийство как социальный феномен // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 39–48.

выраженность агрессивности снижается, что также объясняет агрессию на недавно случившееся отвержение¹.

Ситуация буллинга иная: несмотря на исключение из группы, жертва имеет определенную роль в ней, а реальная агрессия со стороны преследователей, поддерживаемых свидетелями, приводит не только к страху неопределенности и невозможности обозначить себя в системе социальных отношений, но и ко вполне реальному страху физического уничтожения (в той или иной степени), который усиливается при попытках защитить себя от нападков системы². Еще Д. Ольвеусом были описаны две возможные реакции жертвы на травлю. Покорные жертвы более тревожны и неуверенны, при нападениях склонны уходить в себя. Агрессивные «жертвы» описываются сверхагрессивными и эмоционально нестабильными, проявляющими агрессию как результат потери самообладания. Однако они не используют агрессию в качестве инструмента для планирования мести. Именно поэтому типичная ситуация буллинга маловероятна как причина школьной стрельбы.

Заключение

Целью данного анализа стало разведение таких понятий, как социальное исключение, остракизм и травля, а также анализ наиболее типичных реакций жертв этих ситуаций. Эта необходимость была вызвана невозможностью предсказывать массовые ненаправленные агрессивные реакции отверженных людей, самой громкой из которых является школьная стрельба.

Частотный анализ показал, что такое групповое насилие, как травля, хотя зачастую и имеет место в истории стрелков, но не является причиной агрессии. Наиболее типичной реакцией жертв травли становится не агрессия, а депрессия и суицид; не боль, как в случае отвержения, а страх. При травле человек сталкивается

¹ Абрамова А.А., Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н. и др. Специфика проявлений агрессивности у больных с депрессией разной нозологической принадлежности, степени тяжести и длительности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2.

² Кочурова И.Н. Буллинг как форма насилия в школе // Печатается по решению кафедры возрастной психологии и педагогики семьи Института детства ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена». 2017. С. 44.

с реальной угрозой для морального, материального и физического благополучия, с которой ему не справиться в силу ее системности. Как было описано, травля — это непродуктивный механизм по снижению группового напряжения. Будучи изначально травмированной и уязвимой, жертва травли пытается психологически дистанцироваться от групповой агрессии. Менее эмоционально устойчивые жертвы реагируют ситуативной агрессией, однако они чаще прибегают к суициду.

Остракизм же является методом групповой регуляции, исключая из группы разрушающие ее элементы. То есть речь идет о сильно травмированных людях, переживания которых разрушают групповой микроклимат. Отвержение, всегда субъективно воспринимающееся как насилие и провоцирующее агрессию, в данном случае попадает в травму и, изолируя человека от социальной реальности, усугубляет патологические проекции, которые могут подвести к осознанию необходимости расправы над «холодным и отвергающим миром».

Данные выводы, безусловно, нуждаются в эмпирической проверке. Как и другие предположения, сделанные в ходе анализа: подтверждение различий в переживании остракизма и буллинга; особенности эмоциональных переживаний людей, находящихся на периферии социально-экономических отношений; переживание хаоса и угрозы целостности эго при остракизме. Данные вопросы требуют более тщательного продумывания исследований в реальных условиях или на экологических моделях, в которых можно изучить не только особенности жертв остракизма, но и групповую динамику. Также до сих пор без ответа остается вопрос, почему именно сейчас появился такой феномен, как школьная стрельба. Связано ли это с доступностью огнестрельного оружия, компьютерных игр, основанных на убийствах, наличия таких примеров, как массовое убийство в школе Колумбайн¹, либо это является результатом изменения в социальной системе. Более того, как ни странно, школьные расстрелы, рассматриваемые как возмездие, вызывают положительные оценки у многих школьников. Это, а также сама потребность в этом возмездии — тревожный звоночек, который требует тщательного изучения темы и проведения коррекционной работы в школах.

¹ Одноименное движение признано в Российской Федерации экстремистским.